

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Юрий Гранин

Формирование российской нации: коммуникативный процесс

Вопрос о формировании «нации» был и остается ключевым вопросом внутренней политики любого полиэтнического государства. Правда, до недавнего времени о необходимости формирования «российской нации» вообще предпочитали помалкивать. Но после декабрьских 2010 г. волнений в Москве, Санкт-Петербурге, других городах России и последовавших за ними терактах о создании нации наконец-то вновь заговорили не только в блогосфере, но и в высших эшелонах власти. Так, 27 декабря 2010 г. В.В.Путин высказался о необходимости формирования «общероссийского патриотизма» – аналога патриотизма советского, а Д.А.Медведев заявил, что «идея российской нации абсолютно продуктивна, и её не нужно стесняться»¹. 11 февраля 2011 г. президент развил эту мысль: *«Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну. Только тогда мы будем крепкими»* (курсив мой. – Ю.Г.)².

Совершенно верно. Однако, читая стенограммы указанных выше совещаний у президента, я убедился: многие их участники (особенно руководители «национальных республик») либо не в восторге от этой идеи, либо плохо понимают, о чем собственно идет речь, продолжая рассуждать о «самобытности российской цивилизации» и «российской нации» как о состоявшемся историческом факте. Вот что говорил, например, руководитель рабочей группы по подготовке заседания Президиума Госсовета 11 февраля 2011 г., губернатор Ростовской области В.Ю.Голубев: *«Мы – все граждане*

России – являем собой российскую нацию, от гражданского единства которой во многом зависит будущее. ... Обладая уникальным этнокультурным и религиозным многообразием, Россия на протяжении столетий сохраняла межэтнический и межрелигиозный мир, поддерживала баланс интересов различных этнокультурных сообществ» (курсив мой. – Ю.Г.)³.

Хочу разочаровать уважаемого губернатора: в истории России периоды «межэтнического мира» и «баланса различных этнокультурных сообществ» были весьма редки, а «российская нация» так и не была создана. Впрочем, отождествление «нации» с «этнокультурным сообществом» характерно не только для массового сознания, но и для научной политологической литературы. Там принято противопоставлять два типа наций: «гражданско-политические» и «этнокультурные». Но это противопоставление, как будет показано далее, ошибочно: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных *только* узами общего гражданства. В действительности «нация» – это появившаяся лишь в XVIII–XIX вв. *исторически новая общность людей*, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общей исторической памятью, общим языком, и общей культурой. Важнейшая роль в формировании большинства наций принадлежит государству, которое совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и общенациональной системы образования целенаправленно формирует у людей воображаемый ими образ «Отечества – Нации» («России», «Франции» и т. д.) и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями.

Но как интегрировать полиэтническое, мультикультурное население России в политически и культурно единое целое (нацию), не ущемляя при этом суверенное право народов на развитие их собственных языков и культур? Возможно ли это в принципе?

* * *

Чтобы приступить к обсуждению этих проблем, необходимо сначала ответить на следующие «простые» вопросы: чем отличаются «нации» от «этносов» и как, какими способами формирова-

лись нации и национальные государства в Европе? Очевидно, ответ на второй вопрос в значительной мере зависит от того, как мы ответим на первый. И вот здесь мы попадаем в концептуальный капкан: теоретически отличить нации от этносов почти невозможно. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов. Лишь наличие собственного государства или стремление его обрести («национализм») – то, что эмпирически (в общественном мнении) действительно отличает нации от этносов. По всем остальным атрибутивным признакам они совпадают.

Получается, что «нация» – категория конвенциональная. Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 г. британскому обществоведоу Эрнесту Геллнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В значительной мере это действительно так. Нация – цель любого национализма, а национализм – средство формирования, развития и экспансии наций. После выхода в 1964 г. книги К.Дойча «Рост наций», работы Э.Д.Смита «Теории национализма» (1971), монографии 1983 г. Э.Геллнера «Нации и национализм», книги Б.Андерсона «Воображаемые сообщества» и сборника статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджера «Изобретение традиции» это положение стало максимой для большинства специалистов. В дальнейшем *принцип осознанного политического и социокультурного конструирования основных европейских наций*, основательно подкрепленный анализом истории становления «национальных государств» в Западной, Центральной и Восточной Европе, получил развернутое теоретическое обоснование в работах Дж. Бройи, М.Манна, Ч.Тили, М.Шадсона, Э.Хобсбаума, М.Хроха и некоторых других авторов. Если обобщить и суммировать их выводы, мы получим следующую картину процесса образования наций и национальных государств в Европе XVIII–XIX вв.

Понимаем ли мы «нации» как преимущественно антропосоциокультурные или политические (гражданские) общности, их формирование было связано со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVII–XIX столе-

тий, мотором которого была ускоренная модернизация всех сфер жизни европейских стран, а следствием – развитие рыночных отношений, науки, техники и возникновение европейского рационализма. Однако ведущим фактором в интеграции этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое (нацию) оказывалось новое – современное – государство, «бюрократическая машина» которого успешно «перемалывала» многочисленные этносы, столетиями жившие на территории европейских стран.

Смещение вектора культурной самоидентификации из этнической плоскости в плоскость национальную было связано с изменениями в области языка, характера информационных связей и образования.

Так, распространение в Европе «печатных языков» в форме светских книг и газет заложили основу «национального сознания». Прежде всего, были созданы *унифицированные поля обмена и коммуникаций*, менее обширные, чем на латыни, но шире чем на разговорных диалектах. Ведь средневековый человек даже не мог вообразить себе такую надэтническую общность как «нация». Его воззрения на окружающий мир и восприятие этого мира были принципиально ограничены тотальным локализмом его образа жизни и устным разговорным языком, словарный запас которого формировался в пределах этнически ограниченного круга общения.

Но массовое распространение в **XV–XVI вв. технологий печатания** книг и газет радикально изменило осознание и восприятие мира, сделав психологически представимым и приемлемым такой феномен как «нация». Говорившие на разных формах французских, английских и испанских диалектов и не понимавшие друг друга в разговоре, теперь стали понимать – благодаря печати и бумаге. Эти читатели, связанные общим печатным языком, образовали в своей светский, партикулярной жизни зародыш «национально-воображаемого общества» – «нации», попутно изменив представление европейцев о времени. «Роман и газета, – пишет Андерсон, – были теми формами, которые обеспечивали технические средства для представления воображаемых общностей типа нации. Действия-персонажей романа происходят в одном времени, фиксируемом часами и календарем, но при этом персонажи могут совершенно ничего не знать друг о друге. В этом новизна такого воображаемого мира, создаваемого автором

в умах читателей. Представление о социологическом организме, календарно движущемся в гомогенном, пустом времени – это точный аналог идеи нации»⁴.

Действительно, отмеченная Андерсеном коалиция протестантизма и «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания, быстро создала широкую читающую публику, включавшую также купцов и женщин, обычно не знавших латыни, и одновременно мобилизовала ее для политико-религиозных целей. Помимо этого она принципиально изменила языковую ситуацию. В Европе и других частях света в допечатный период многообразие разговорных языков было огромно. Но разнообразные диалекты поддавались – в определенных пределах – слиянию в механически воспроизводимые «печатные языки», пригодные для распространения посредством рынка.

Если печатные и административные языки стандартизировали основной способ массовой коммуникации, то развитие общенациональных систем образования в XVIII–XX вв. стандартизировали культуру как ведущий способ национальной интеграции. Распространяясь по схеме «центр – периферия», общая для всех «высокая культура», созданная литераторами, художниками и учеными доминирующего этноса, шаг за шагом охватывала всю территорию стран Западной Европы, постепенно превращая их полиэтническое мультикультурное население («гасконцев», «бретонцев», «валлийцев», «пьемонтцев» и т. д.) в некое культурно гомогенное целое – людей, принадлежащих одной «нации». Этот процесс продолжался не одно столетие, требуя постоянных усилий и контроля государства, часто использовавшего репрессии. Образованные в результате многочисленных войн государства Западной Европы являли собой новый тип государства, одной из важнейших задач которого было легитимное принуждение к национальному единству: тюрьма, топор и гильотина были важными средствами национальной интеграции в XVIII столетии. Но по настоящему государство взяло на себя роль «воспитателя нации» лишь в XIX в., когда массовое и светское начальное образование стало нормой в большинстве западноевропейских стран.

С разной степенью интенсивности аналогичные процессы аккультурации, важными факторами интенсификации которых были сначала печатные СМИ, а затем радио и телевидение, происходили

в бисмаркской Германии, царской России, а позже и в Советском Союзе. Но ни в дореволюционной России, ни в СССР процесс образования нации не был завершен, главным образом, из-за имперских амбиций и непоследовательности государственных действий.

* * *

В отличие от либерально-демократических Англии и Франции, которые «владели империями» и пытались привить свою культуру этническим элитам колоний, *Россия сама была империей. И первоначально даже не ставила цели формирования одной нации как политической общности, основанной на «суверенитете народа»*. Разумеется, в России существовало то, что Э.Геллнер, Ю.Хабермас и др. обозначили как «протонациональные связи», основой которых были православие и общее историческое прошлое древнейших родов империи. Но здесь, вплоть до известного Указа Екатерины II **о дворянских вольностях**, не было «так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни»⁵. Ю.Хабермас обозначил данное явление как *Adelsnation* – «нация знати», описав следующий механизм ее возникновения: «правлящие сословия, которые встречались друг с другом в «парламентах» или в других «представительных собраниях», представляли страну или «нацию» *перед лицом двора*»⁶.

Аналогом европейских представительных собраний в России XVI–XVII вв. были **Земские соборы и Боярская Дума**, которые затем были упразднены Петром Великим, подчинившим церковь государству и взявшим курс на «европеизацию» не общества, а российского дворянства и формирование космополитичной имперской правящей элиты из иноверных иноземцев. Тем самым, несмотря на появление газет, журналов и университетов, разрыв между русской «народной культурой» (не говоря уже о десятках других) и «высокой культурой» правящего слоя к концу XVIII в. был не сокращен, а увеличен. Да и сама, представленная в столичных салонах, так называемая «высокая культура» знати была лингвистически гетерогенной, являя собой причудливое смешение языков: «французского с нижегородским».

Так что вплоть до начала XIX в. многих предпосылок для формирования «нации знати» и «нации народа» в империи не было. Необходимо было появление «истории государства российского» и «русского литературного языка», ставших основой представлений о «русском народе». Так благодаря усилиям великих русских историков (Татищева, Карамзина и др.), славянофилов и великих русских поэтов, прежде всего, А.С.Пушкина, в первой трети XIX в. в России *возникает русский «лингвистический национализм», способствующий «натурализации»* династии Романовых, которая, собственно, и привела к появлению российского «имперского национализма».

Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, привело к политике русификации. Аналогичным образом «Лондон пытался англизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский итало-говорящей Корсике (частично добившись успеха)»⁷. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися еще со времен Средневековья», Б.Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»⁸.

Однако российский государственный (имперский) национализм принципиально отличался от современного ему европейского национализма, который, по мнению Ю.Хабермаса, пытался связать национальную «более абстрактную форму общественной интеграции» с демократическими «структурами принятия политических решений»⁹. Взамен него в николаевской России была провозглашена доктрина «официальной народности», признававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. «Да, – признавался Николай I, – деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» «политической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему»¹⁰.

Мало того. Стремясь сохранить полиэтническую империю, власть не только не создала продуманного «национального проекта», но и упустила тот момент, когда в 1840–1860 гг. на ее западных границах под определяющим влиянием польской интеллигенции стали реализовываться украинский, белорусский, литовский и другие периферийные «нацпроекты», заложившие основы будущих «наций». По мнению А.И.Миллера, именно из «соперничества русского национального проекта и польского национального проекта постепенно появляются украинский и, насколько он сформировался, белорусский проекты, а также литовский»¹¹. Но это спорное утверждение в той его части, где речь идет о русском национальном проекте. Дело в том, повторю, что так называемый «имперский национальный проект», так и не был до конца продуман, конкретизирован в системе последовательных бюрократических действий по интеграции населения и возведен в ранг государственной национальной политики.

Как и в других странах, идеологию российского государственного национализма разрабатывали интеллектуалы, существенные расхождения между которыми по вопросу «что делать?», отнюдь не способствовали делу национального строительства. Прежде всего, в той его части, которая связана с культурной гомогенизацией населения, которая должна проходить под «русскими», а отнюдь не «русскими» лозунгами. Между тем именно идеология *русского* этнонационализма, круто замешенного на обосновании превосходства «русского племени», стала (особенно накануне первой мировой войны) доминировать на страницах большинства, в том числе и либеральных, российских газет и журналов. Вместо идеи формирования российской нации как согражданства возникает миф «русской нации», в числе активных делателей и пропагандистов которого, помимо откровенных черносотенцев, были выдающиеся умы российской интеллигенции: Андрей Белый, Валерий Брюсов, Н.Бердяев, В.В.Розанов, А.С.Изгоев, Н.В.Устрялов, М.О.Меньшиков и много других менее известных писателей и мыслителей, обосновывавшие, каждый по своему, идею «православной империи русской нации»¹². И это ежечасно и повсеместно рождало культурный и политический этнонационализм.

Надо заметить, что политика официального национализма, даже если она осуществляется либерально-демократическим государством, всегда порождает «свое иное» – этнический на-

ционализм. Этнический и государственный «национализмы» в полиэтнических государствах это две стороны одной националистической «медали» – они обуславливают друг друга, постоянно провоцируя межэтническую напряженность и конфликты. Смягчить их можно только за счет предоставления равных политических прав и культурной ассимиляции сначала этнических элит, а затем и всего народа, плавно приобщив их (через СМИ и систему образования) к «высокой культуре» государствообразующего (в нашем случае – великорусского) этноса. Но именно этого в царской России сделано не было. Формально признав равные политические права за всеми «инородцами» (выдав им паспорта), частично инкорпорировав знатные роды Польши, Малороссии, Прибалтики (остзейские немцы), Кавказа и Туркестана в «правлящий класс» империи, *самодержавие так и не выработало программы культурно-лингвистического национализма* и для русского, и для других народов России. Фактически империя строилась и расширялась помимо населяющих ее народов, которые будучи неграмотными, разумеется, не могли даже вообразить такую социокультурную общность как «нация».

Разделяя своих «подданных» на «великороссов» и «инородцев», не отделив православие от государства, империя так и *не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всем пространстве империи*, в котором даже почти поголовно неграмотное население русскоязычных территорий продолжало делить себя на «псковских», «калужских» и «тутошных». В этих условиях о формировании российской нации как социокультурной общности и согражданства и речи быть не могло. К началу первой мировой царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. В итоге Российская империя, так и не ставшая «национальным государством», распалась.

* * *

Пытаясь восстановить себя в прежних границах, советская Россия из конъюнктурных соображений провозгласила «право наций на самоопределение, вплоть до отделения» и Конституция РСФСР, принятая на V Всероссийском съезде Советов 10 июля

1918 г., объявила страну федерацией национальных республик. Но образование на территории бывшей империи ряда независимых государств, сепаратистские устремления внутри самой РСФСР вновь актуализировали проблему самоопределения народов, вызвав к жизни дискуссию о принципах создания СССР в 1921–1923 гг., завершившуюся выработкой политики «коренизации» и «территориализации» народов союзных и автономных республик. То что эта политика, в конечном счете, окажется взрывоопасной для нового государства, руководство ВКП(б) и Сталин, в тот период явно не понимали, наивно полагая, что классовая и советская солидарность возьмут верх над «национальными» идентичностями. В действительности политика «коренизации» (украинизации, белорусизации и т. д.), круто замешенная на критике «великорусского шовинизма», вызвала подъем массового национального самосознания даже в тех регионах, где его до революции почти не было.

Так, например, перед первой мировой войной и революцией малороссы были народом, который еще не выработал национального (украинского) сознания и государственность которого выглядела далекой целью. Но после «советской украинизации» (1921–1935) национальное самосознание у половины населения советской Украины, особенно – ее партийно-хозяйственного аппарата и интеллигенции, приобрело отчетливые формы, способствуя росту сепаратистских настроений в среде республиканской этнократии. Аналогичные процессы развития «коренных языков», «национальных школ» и высших учебных заведений, учреждений науки и культуры активно шли в других республиках и автономиях, объективно способствовали укреплению этнической самоидентификации многих народов Союза, что явно противоречило курсу политической консолидации народов на базе ленинско-сталинской идеологии.

Принципиально важно: в республиках «коренизация» шла под лозунгами борьбы с «русским колонизаторством», сопровождавшейся «зачисткой» партийного и хозяйственного аппарата «от великорусской швали» (Ленин), почти повсеместной дискриминацией русскоязычного населения, его грабежами и вытеснением с давно обжитых территорий¹³. Ситуация усугублялась территориальным формотворчеством. С легкостью манипулируя судьбами миллионов людей, Центр инициировал создание новых административных образований за счет территорий, население которых

тяготело к разным социокультурным моделям жизни. Так в 1921 г. в процессе оформления Горской республики к ней присоединили 17 казачьих станиц и хуторов, в которых проживало более 65 тысяч русских. Итог был предсказуем: насильственно присоединенные казачьи территории и их население подвергались постоянным нападениям, заканчивавшимся переделами казачьих земель в пользу горских народов.

В 1924–1925 гг. было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. Единое, по мнению академика В.В.Бартольда, цивилизационное пространство¹⁴, регион с этнической чересполосицей рассекли путем административной реформы, подгоняя под «типовую модель» национальной государственности. Аналогичная волюнтаристская политика осуществлялась и в отношении Каракалпакстана (в Казахстане), где в 1929 г. вспыхнуло мощное восстание, Киргизии, а также малочисленных народов Севера, традиционно занимавшихся охотой, рыболовством, оленеводством. Их насильно переводили с кочевого на оседлый образ жизни, через колено ломали традиционный экономический и духовный уклад. Итогом был ряд восстаний в Якутии, других северных территориях. Так выковывалось «братство народов», о котором любила упоминать советская пропаганда.

К сожалению, я не могу подробно разбирать все перипетии и просчеты национальной политики СССР. Отмечу лишь, что начиная с 1930-х гг. **разрабатываемая под идеологическим прикрытием «интернационализма» реальная политика государства была переориентирована на формирование новой политически интегрированной «исторической общности».** В русле стратегии ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения), и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно – коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования новой политической общности – «советского народа».

Важная, а быть может и ведущая, роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже телевидению. Начиная с 1918 г. по всей стране возводились (иногда на прежних постаментах) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А.Н.Толстого, М.Шолохова, К.Федина, поэзией Маяковского и Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые с точки зрения власти составляли гордость нового Отечества. Слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, не случайно названной Великой Отечественной войной.

Надо заметить, что войны вообще, и тем более войны победоносные, играли важную роль в формировании и эволюции всех наций. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан *национальное* самосознание; в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы – они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации других в качестве врагов. Поэтому, например, С.Хантингтон даже постулирует невозможность продолжительного мира между нациями и проблематизирует саму возможность поддерживать национальную идентичность в мирное время¹⁵. С подобным приговором об эрозии патриотизма во время отсутствия войн трудно согласиться. Но верно то, что монументы и могилы Неизвестного солдата являются его культурным источником, укрепляют национальное единство, создают новую ответственность уже ушедших, кто

превратился в памятники-символы: с их помощью страна, даже совершая ошибки, на самом деле всегда остается права. Разумеется, эта новая ответственность и общая «историческая память» должны быть подкреплены и закреплены идеологически, информационно и культурно-лингвистически через государственную систему образования.

Что касается идеологии и формируемого в соответствии с ней нового символического поля, то с их распространением через литературу, монументальное и иное искусство, кино, радио, телевидение и иные СМИ, за исключением довольно ограниченного (но постепенно расширяющегося) поля охвата аудитории, все обстояло более или менее благополучно на русскоязычных территориях. Но эффективность пропаганды нового отечества резко снижалась на Кавказе, Западной Украине, республиках Прибалтики и Средней Азии, значительная часть населения которых плохо говорила и писала на чужом для них – русском – языке. Зато пропаганда этнонационалистического подполья, которое полностью было разгромлено лишь после войны, была довольно успешной. Это обстоятельство было осознано сталинским режимом лишь в 1938 г., когда действующим в республиках и автономиях национальным школам вменяется задача обязательного обучения школьников русскому языку. При этом в целях ее упрощения была предпринята унификация графики – силовой перевод алфавитов родных языков, использовавших латинскую графику, – на кириллицу.

Все это, казалось бы, должно было существенно изменить старую парадигму национальной школы, расширить ее культурно-стандартизирующий потенциал, частично изменить приоритеты. Но этого не случилось. Ситуация кардинально меняется лишь к началу 1960-х, когда в кулуарах ЦК КПСС была наконец сформулирована идея формирования аналога нации – «советского народа». Именно тогда в школах союзных республик с преподаванием на родном языке утвердилась *модель двухкомпонентного содержания образования*. Она апробировалась с середины 1960-х гг. и обеспечивалась в полном объеме учебниками, подготовленными и изданными республиканскими издательствами. *Такая модель при безусловном идеологическом единстве содержания позволяла реализовывать принцип унификации содержания школьного образования*

в Советском Союзе через внедрение единых учебников, изданных для русскоязычных школ РСФСР, и выстроенных на русской и мировой культурах. Поэтому несмотря на жесткую критику и отказ от этой модели в 1990-е гг., она объективно может рассматриваться как инструмент реализации в рамках социалистической модернизации на базе идеологии интернационализма политической программы формирования из разнородного полиэтнического социума единой гражданской нации – «советского народа». Из этого, как известно, ничего не вышло. Не только в силу просчетов политического руководства страны, но и очевидной ошибочности «генеральной линии партии» на реализацию концепции «некапиталистического развития» и форсированного прыжка «из феодализма в социализм».

Последствия этого оказались неоднозначны и были в значительной мере непредвиденными. Попытки модернизации социально-экономической жизни в Средней Азии и на Кавказе шли параллельно с консервацией традиционного уклада, клановых, племенных, семейно-родовых отношений. Не взирая на усиливающую борьбу с религией как идеологическим конкурентом, новая власть так и не смогла искоренить мусульманские обряды и обычаи из повседневного быта. Мало того. Ангажированные Советской властью или примкнувшие к ней этнические элиты органично вросли в номенклатурную систему реализации властных отношений, адаптировав ее к иерархии по «кланам» и «родам». Это было тем легче, что и традиционное общество Кавказа и Средней (Центральной) Азии характеризовалось сочетанием авторитаризма с патернализмом, своеобразной социальной справедливостью и коллективизмом. Этот фактор учитывался большевиками при формировании структур управления, но *не был ими понят как трансформирующий содержание социалистического строя.* В составе СССР находилось множество этнокультурных территорий, население которых жило по своим собственным, уходящим в глубокую древность законам, сохранившим традиционные социально-политические институты, которые не только приспособлялись к модернизации общественного уклада, но и его приспособляли к своему облику. В итоге, споткнувшись о сопротивление многочисленных республиканских этнобюрократических элит и руководства РСФСР, Советский Союз распался.

Юридически формула «преференции в обмен на лояльность» была закреплена в Федеративном договоре 1992 года, росчерком пера превратившем РФ из централизованной в «договорную» асимметричную федерацию, где Центр и субъекты поменялись ролями. Теперь уже бывшие автономии стали стремиться и небезуспешно ограничить компетенцию центральной власти. Особенно ярко эта тенденция воплотилась в законах «О языках народов РСФСР», «О языках народов РФ» (1991/1998), «Об образовании в Российской Федерации» (1992/1996/2002) и соответствующих подзаконных актах, которые *фактически дезинтегрировали единое образовательное и культурно-лингвистическое пространство страны*: тот самый принцип, который в этих законах был продекларирован. Интеллигенты из числа так называемых «титulyных» этносов приняли в этом самое живое участие.

Показательна и динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости и последовательности республик. В общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40 %, Республики Башкортостан – 45 %, Республики Татарстан – 60 %, а Республики Тыва – 80 %. Мало того. Вслед за провозглашением политического суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках. Которые (вместе с декларациями о суверенитете) в 1990-е гг. стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территории национально-государственных субъектов РФ и *спровоцировали процессы, ведущие к разрушению единого коммуникативного пространства России*.

В этих, по сей день не отмененных, законах «государственными» на территории субъекта федерации провозглашаются, как правило, два языка – язык «коренной нации» и русский язык. А иногда «огосударствуются» три языка, как, например, в Кабардино-Балкарии. Это означает, что документооборот в этих республиках ведется не на одном, а на нескольких «административных языках». В большинстве случаев республиканские законы о языке включают статьи, легитимизирующие льготы и преференции по этноязы-

ковому принципу для представителей так называемых «титульных» этносов. Фактически было осуществлено новое издание «коренизации», повлекшее за собой кадровые чистки в госструктурах, школах и вузах Татарстана, Башкирии, Якутии, других бывших автономиях. Ситуация в республиках Северного Кавказа – просто катастрофическая – там русскоязычного населения почти не осталось, зато этнонационализм с примесью феодализма расцвел пышным цветом.

Благодаря усилиям этнонационалистов оформились и укрепились тенденции регионализации и партикуляризации высшего образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, политология, социология, философия) многих республик России. Эти изменения касаются, прежде всего, так называемого регионального компонента образования, под видом которого зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титульного» («коренного») этноса. Этнонационализм, источником и распространителем которого была и остается, прежде всего, местная интеллигенция, препятствует строительству в России национального государства. Как быть?

Прежде всего, надо взглянуть правде в глаза и перестать использовать двойные стандарты. Мы можем сколько угодно возмущаться национальной политикой правительств Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, других государств, ущемляющих права так называемого «русскоязычного» населения. Но при этом должны понимать, что иначе (без «переписывания истории», создания национальных мифов, аккультурации иноязычного населения, создания единого коммуникационного пространства и т. п.) «нацию» построить нельзя. Должны помнить, что в той же Франции, например, силою заставившей миллионы своих граждан в XIX в. говорить на французском, преподавание на этнических диалектах было выборочно разрешено только в 1961 г. А у нас?

А у нас в Татарстане национальные общественные организации собирают подписи под требованием сделать татарский язык вторым государственным, а Министерство образования и науки РФ не только кладет под сукно Концепцию государственной этнонациональной образовательной политики, но и пытается исключить обязательное преподавание русского языка и литературы в старших классах. О том, что в проекте закона «Об образовании в

РФ» воспитательный компонент школы вообще отсутствует, уже и не говорю. Почему, например, в США главной задачей школы признается «воспитание патриота и гражданина Америки», а у нас нет? И это бездумное реформирование средней и высшей школы осуществляется в условиях, когда в национальных республиках РФ выросло целое поколение ученых и педагогов, сделавших карьеру на обосновании тезиса об исторической, политической, этнической исключительности «своего» народа и противопоставлении местной истории, местных традиций и обычаев российскому государству, русскому и другим народам. Не случайно в 2008 г. в школах Татарии лишь 25 % на вопрос: «В какой стране вы живете?», ответили: «в России». Остальные считают, что живут в Татарстане¹⁶, где в декабре 2008-го «Милли-меджлис татарского народа» принял новую «Декларацию о независимости Татарстана» и объявил об альтернативном Кабинету министров РТ национальном «правительстве в изгнании», главой стал известный татарский националист-эмигрант Виль Мирзаянов.

Так что, этнический национализм у нас не только не ослабел, но и обрел новые – культурные, образовательные и коммуникативные – формы. Ему должна противостоять *политика «официально-го национализма»* Российской Федерации, которая помимо полного изъятия из Конституций республик в составе РФ положений о политическом суверенитете, выравнивания уровня и качества жизни народов, *должна включить культурно-лингвистические меры по формированию «российской нации», восстановить дезинтегрированное коммуникативное и образовательное пространство России.*

Прежде всего, *необходимо создать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи. Во-вторых, – ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования. И, наконец, – осуществив этнически независимую экспертизу, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России, где на протяжении последних лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.*

Одновременно следует увеличить процент передач и программ на русском языке на республиканском теле и радиовещании, насытив их информацией и сюжетами из истории сотрудничества народов

России, русской и мировой культуры. То же самое следует сделать и федеральным телеканалам, радиоккомпаниям и печатным СМИ. Эти меры являются вынужденными, но абсолютно необходимыми.

Примечания

- ¹ Стенографический отчёт о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года, 15:00, Москва, Кремль <http://www.kremlin.ru>
- ² Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 г. 18:30, Уфа // www.kremlin.ru
- ³ Официальный портал Администрации Ростовской области. <http://donland.ru/Default.aspx?pageid=96651>
- ⁴ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 44.
- ⁵ *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 151.
- ⁶ *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 366 (курсив Хабермаса).
- ⁷ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 107.
- ⁸ Там же. С. 108.
- ⁹ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 267.
- ¹⁰ *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. СПб., 1918. С. 42.
- ¹¹ *Миллер А.И.* Национализм и империя. М., 2005. С. 24.
- ¹² Как писал В.В.Розанов, «русская империя есть живое царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам» // *Империя и нация в русской мысли начала XX века.* М., 2004. С. 67.
- ¹³ См.: *Национальная политика России: история и современность.* М., 1997. С. 300.
- ¹⁴ *Ошмов М.М.* В.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // *Восток.* 1991. № 5. С. 97–110.
- ¹⁵ *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 58, 62.
- ¹⁶ Деформация гражданского сознания в Татарстане подрывает безопасность России: интервью Михаила Щеглова // *ИА REGNUM* <http://www.regnum.ru/news/1155436.html>